

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕФТЕГАЗОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АРКТИКЕ

Никита МОЛЧАКОВ, Ольга ГЛИКМАН
МГИМО МИД России

Аннотация: Цель исследования состоит в выявлении и анализе международно-правовых норм, применимых к разведке и разработке нефтегазовых ресурсов в Арктике, а также тенденций их развития. Задачи исследования включают анализ международно-правовых норм, определяющих статус Арктики, правовых особенностей, вытекающих из различий в режиме отдельных арктических территорий, различий в подходах арктических и неарктических государств, Европейского союза, а также выделении правовых векторов международно-правового регулирования, значимых для нефтегазовой деятельности в Арктике.

В исследовании выделены тенденции развития международно-правового регулирования общих первоочередных вопросов и отраслевых аспектов деятельности в Арктике. Авторы раскрыли значение и особенности многосторонних и двусторонних международных договоров Российской Федерации, рекомендательных актов Арктического совета, применимых к нефтегазовой деятельности в Арктике.

Авторами выявлены противоречия нефтегазовых аспектов арктической концепции Европейского союза 2021 г. юрисдикционным и природоресурсным принципам и правилам, закрепленным в международных договорах и обычаях. Авторы сформулировали предложения, которые могут быть использованы Россией в качестве международно-правовых контраргументов, доказывающих неправомерность заявленной ЕС цели запрета добычи нефти и газа в Арктике.

Ключевые слова: Арктика, арктические государства, нефтегазовые ресурсы, международные договоры арктических государств, международное право, Арктический совет, арктическая политика Европейского союза

Никита Юрьевич Молчаков – кандидат юридических наук, декан Международно-правового факультета, доцент кафедры конституционного права, МГИМО МИД России.
ORCID: 0000-0002-8445-1073. E-mail: n.molchakov@inno.mgimo.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Ольга Владимировна Гликман – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, МГИМО МИД России.
ORCID: 0000-0002-9243-9787. E-mail: glikman@mail.ru
119454, Москва, пр-т Вернадского, д. 76.

Поступила в редакцию: 11.10.2022

Принята к публикации: 07.12.2022

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Стратегическое значение Арктики для международной безопасности, природоресурсный потенциал Арктики, развитие энергетических технологий, появление новых типов судов и оборудования, предназначенного для работы в суровых климатических условиях, таяние льдов повлияли на усиление внимания к Арктике со стороны различных государств и международных организаций в XXI веке.

Традиционно основу правового статуса Арктики составляли национальное законодательство арктических государств, нормы международных обычаев и международные договоры арктических государств. В XXI веке произошли значительные изменения в развитии международно-правовых норм и норм национального законодательства, регулирующих различные аспекты деятельности в Арктике. Развитие международного правопорядка деятельности в Северном Ледовитом океане резко ускорилось (Шинкарская, 2017). В отечественной доктрине возникла и развивается концепция «Арктического права» как феномена, представляющего собой комплекс норм, включающий взаимосвязанные международно-правовые и национальные компоненты (Арктическое право..., 2014).

В настоящее время происходит столкновение интересов и усилий ряда неарктических государств разных регионов и международных организаций, желающих играть значимую роль в правовом регулировании Арктики, и арктических государств, позиции которых, в свою очередь, тоже неоднородны. Интерес различных государств и компаний к разведке и разработке арктических нефтегазовых ресурсов, а также к использованию арктических транспортных путей лежат в основе современных тенденций и концепций развития международно-правового регулирования деятельности в Арктике.

Основы международно-правового статуса Арктики

Арктика представляет собой район земного шара, расположенный вокруг Северного полюса и охватывающий Северный Ледовитый океан, прилегающие части Тихого и Атлантического океанов, находящиеся в них острова и окраины материков Евразии и Северной Америки, границей которого является Северный полярный круг (параллель 66°33' северной широты). При этом доктринальные и законодательные определения Арктики несколько отличаются.

Согласно Основам государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года¹ «Арктика» означает северную полярную область Земли, включающую северные окраины Евразии и Северной Америки (кроме центральной и южной частей полуострова Лабрадор), остров Гренландия (кроме южной части), моря Северного Ледовитого океана (кроме восточной и южной частей Норвежского моря) с островами, а также прилегающие части Атлантического и Тихого океанов.

¹ Указ Президента РФ от 5 марта 2020 №164 «Об Основных государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // СЗ. 2020. №10. Ст.1317.

Специальный комплексный международный договор, закрепляющий основы международно-правового статуса Арктики, понятие и географические координаты Арктики, классификацию арктических пространств, особенности их режима и деятельности в них, отсутствует. Ученые указывают на «необходимость выработки нормативной дефиниции Арктики, что позволит разграничить зону ответственности арктических государств от иных пространств Земного шара», а также на чрезвычайную важность пространственной определенности «с позиций установления границ соответствующих правовых режимов данного региона» (Арктическое право..., 2014).

Арктическими являются 8 государств, территории которых пересекаются Северным полярным кругом. Среди них: пять прибрежных к Северному Ледовитому океану государств (Россия, США, Канада, Дания (за счет острова Гренландия), Норвегия), а также Исландия, Финляндия и Швеция. «Роль арктических государств в формировании правового положения Северного Ледовитого океана была и остается определяющей» (Предложения к дорожной карте..., 2013). Однако в настоящее время со стороны ряда неарктических государств ЕС и НАТО предпринимаются попытки существенно снизить значение этого факта для международно-правового регулирования. Арктика обладает особым международно-правовым статусом (Колодкин, Гуцуляк, Боброва, 2007) и включает водные, сухопутные, воздушные пространства с различными правовыми режимами. Наибольшая часть территорий Арктики – пространства, являющиеся государственными территориями арктических государств, на которые распространяется их суверенитет, и пространства, находящиеся за пределами государственных границ арктических государств, на которые согласно общим нормам международного права распространяются их суверенные права и юрисдикция (континентальные шельфы и исключительные экономические зоны арктических государств). Однако процесс установления границ данных пространств и разрешения территориальных споров еще не завершен. Другие пространства Арктики, учитывая нормы международного воздушного и морского права, считаются территориями международного пользования. При этом на отдельные территории Арктики распространяется особый (уникальный) правовой режим (Шпицберген согласно Договору о Шпицбергене 1920 г., национальные транспортные пути согласно нормам национального законодательства арктических государств и сложившихся международных обычаев).

В настоящее время в Арктике действуют обычные нормы международного права, различные по предмету регулирования и числу участников международные договоры (двусторонние, региональные и универсальные), рекомендательные акты международных организаций, а также национальные нормативные правовые акты арктических государств. Однако позиции как арктических, так и неарктических государств относительно соотношения и иерархии применимых международных договоров и международных

обычаев, применимости и толкования общих положений Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) по отдельным вопросам не совпадают.

Для современной нефтегазовой деятельности арктических государств особое значение имеют положения Конвенции 1982 г. относительно суверенитета прибрежного государства в территориальном море, на его дне и недрах; суверенных прав и юрисдикции в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе в целях разведки и разработки природных ресурсов; прокладки подводных кабелей и трубопроводов; искусственных островов, установок и сооружений; проведения буровых работ; прав и обязанностей государств по защите и сохранению морской среды и др. При этом по сравнению с другими арктическими государствами США не участвуют в Конвенции 1982 г.

Ни Женевские конвенции 1958 г., ни Конвенция 1982 г. не содержат специальных положений об Арктике. Статья 234 Конвенции 1982 г. посвящена в целом покрытым льдом районам и закрепляет право прибрежных государств *«принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны...»* и их обязанность в таких законах и правилах *«должным образом принимать во внимание судоходство, защиту и сохранение морской среды...»*.

Ключевое расхождение в реализации этих прав, толковании принципа свободы судоходства и его соотношении с другими принципами и нормами международного морского права при осуществлении нефтегазовой деятельности в Арктике продемонстрировал инцидент 2013 г. на нефтяной платформе «Приразломная», расположенной в исключительной экономической зоне Российской Федерации (Печорское море), и последующие международные разбирательства по делу «Арктик Санрайз». Тогда активисты «Гринпис» высадились на резиновые лодки с судна «Арктик Санрайз», плавающим под флагом Нидерландов, и осуществили акцию протеста на данной платформе. Активисты и судно были задержаны представителями российских компетентных органов власти (Богуш, 2014; Толстых, 2016). Российская Федерация действовала, исходя из суверенных прав и юрисдикции прибрежного государства, и не признавала юрисдикцию Международного трибунала по морскому праву по спорам, касающимся соблюдения законов при осуществлении суверенных прав и юрисдикции. Это было закреплено в заявлении Российской Федерации, сделанном при ратификации Конвенции 1982 г. Однако решения международного арбитража были вынесены в пользу Нидерландов на основании принципа свободы судоходства и, безусловно, ударили по престижу России.

В современных исследованиях констатируется, что в XXI веке произошла эволюция международно-правового режима Северного Ледовитого океана (Жудро, 2016), «модернизация международно-правовой концепции обоснования внешних границ континентального шельфа Российской Федерации в Арктике» (Жудро, 2016).

Сохраняются различия в интересах и позициях государств относительно обоснования территориальных притязаний в Арктике, статуса морских транспортных путей. Неарктические государства – участники Конвенции 1982 г., НАТО и Европейский союз заинтересованы в применении ее общих положений в Северном Ледовитом океане, включая принцип свободы судоходства, без учета специфики данного океана и многолетней сложившейся практики. Это «стремление связано с прогнозными оценками, касающимися огромных запасов энергетических ресурсов (нефти и газа) на арктическом континентальном шельфе», и такая позиция «позволяет им использовать в Арктике режим открытого моря и свободно осваивать ресурсы морского дна за пределами пространств, на которые распространяются суверенные права арктических государств» (Арктическое право..., 2014).

Изменился российский подход к секторальному принципу деления в Арктике. Суть доктринальной концепции, активно продвигаемой в советский период, состояла в наличии особых прав и интересов государств, побережье которых выходит к Северному Ледовитому океану, в арктических секторах, образуемых линиями, проведенными от Северного полюса до крайних точек их сухопутных границ в Арктике. Секторального принципа придерживались Канада и СССР (Международное право, 2005). Однако такой подход не был закреплен в каком-либо специальном международном договоре.

Шаг по направлению Россией в 2001 г. представления в Комиссию по границам континентального шельфа данных для установления внешней границы арктического континентального шельфа был воспринят рядом отечественных юристов-международников как создание угрозы для национальных интересов России, как наносящий ущерб исторически сложившемуся статусу Арктики, включая дно Северного Ледовитого океана, концепции «арктических секторов» и как влекущий за собой применимость других положений Конвенции 1982 г., в частности, регулирующих международный район морского дна (Жудро, 2015).

Важную роль в обеспечении защиты морской среды в целом и Арктики в частности играют также международные договоры, принятые в рамках Международной морской организации (Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г., Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов (МАРПОЛ) 1973 г., Международная конвенция по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству 1990 г., Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1969 г., из-

мененные (замененные) последующими протоколами, и др.). Стремление международного сообщества разработать специальный акт, учитывающий особенности судоходства в Арктике и Антарктике, привело к принятию ИМО в 2014 г. Международного кодекса для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярного кодекса). Полярный кодекс предусматривает, что при эксплуатации в полярных водах к судам, судовым системам и к эксплуатации могут предъявляться дополнительные требования, помимо тех, которые предписываются рядом международных договоров, заключенных в рамках ИМО и другими обязательными актами ИМО (Вылегжанин, Иванов, Дудыкина, 2015).

Особый статус архипелага Шпицберген определен Договором о Шпицбергене 1920 г. Территориальная сфера действия Договора закреплена в статье 1. Принципиально важно, что согласно Договору «полный и абсолютный суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген» был провозглашен на условиях, предусмотренных данным Договором. Одно из ключевых условий Договора – свободный доступ на условиях равенства граждан всех Высоких Договаривающихся Сторон «для любой цели и задачи в воды, фиорды и порты...»; «к занятию всяким судоходным, промышленным, горным и коммерческим делом и к его эксплуатации, как на суше, так и в территориальных водах» (статья 3 Договора). Толкование и обеспечение этих принципов по отношению к иностранным судам и лицам в современных условиях является одним из дискуссионных вопросов, по которым различия в позициях Норвегии и России сохраняются.

Два других многосторонних вектора правового регулирования сотрудничества в Арктике связаны с созданием и деятельностью Совета Баренцева / Евроарктического региона и Арктического совета. В рамках Совета Баренцева / Евроарктического региона правительствами Норвегии, России, Финляндии и Швеции было принято Соглашение между правительствами государств – членов Совета Баренцева / Евроарктического региона о сотрудничестве в области предупреждения, готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации 2008 г. В преамбуле Соглашения была прямо отмечена тенденция растущего использования северных регионов для добычи природных ресурсов в транспортных, экономических и иных целях. Для целей Соглашения понятие «Баренцев / Евроарктический регион» включает отдельные политико-административные образования указанных государств. Механизм сотрудничества, предусмотренный в Соглашении, включает учреждение Совместного комитета, контактных пунктов, уведомление о чрезвычайной ситуации, запросы об оказании помощи. Соглашение имеет значение для нефтегазовой деятельности, поскольку применяется к чрезвычайным ситуациям, которые могут произойти в результате различных техногенных и природных бедствий, в том числе промышленных аварий, взрывов, пожаров в данном регионе.

Нефтегазовые аспекты в рамках актов Арктического совета

Арктический совет был создан на основании Декларации об учреждении Арктического совета 1996 г. в качестве «форума высокого уровня», в цели которого включено нахождение способов организации сотрудничества, координации и взаимодействия между Арктическими государствами по вопросам Арктики, представляющим общий интерес (за исключением вопросов военной безопасности); надзор и координация арктических программ; распространение информации, поощрение образования и обеспечение интереса к вопросам, относящимся к Арктике. Его членами являются 8 арктических государств, постоянными участниками – 6 организаций коренных народов, проживающих в арктических государствах.

В работе Арктического совета в качестве наблюдателей принимают участие неарктические государства и различные по статусу международные организации, которые по решению Совета могут внести положительный вклад в его работу. Статус наблюдателя в Арктическом совете был предоставлен 13 неарктическим государствам: Великобритании, Германии, Нидерландам, Польше (в 1998 г.), Франции (в 2000 г.), Испании (в 2006 г.), Италии, Китаю, Индии, Японии, Республике Корея, Сингапуру (в 2013 г.), Швейцарии (в 2017 г.), что свидетельствует об их заинтересованности принимать участие в решении арктических вопросов.

В настоящее время ряд неарктических, по географическому признаку, государств тем не менее считают себя арктическими, исходя из их роли в научных исследованиях, участии в арктических экспедициях и международных программах, наличия полярного флота, и соответственно претендуют на право принимать активное участие в международном нормотворчестве по арктическим вопросам. Такая концепция, очевидно, будет активно развиваться указанными государствами в ближайшее время. Наличие статуса наблюдателя в Арктическом совете далеко не в полной мере удовлетворяет их международно-правовые амбиции.

Международно-правовые амбиции неарктических государств подкрепляются и мерами национального характера. За последнее десятилетие в ряде неарктических государств были приняты политико-правовые акты – арктические стратегии и программы (Киушкина, 2020). Во многих из них отражены их международно-правовые позиции относительно применимости Конвенции 1982 г., заинтересованность участвовать в арктических научных исследованиях, эксплуатации арктических природных ресурсов и использовании арктических судоходных путей.

Среди международных организаций, обладающих статусом наблюдателя в Арктическом совете, – Международная морская организация, Всемирная метеорологическая организация, Международный совет по исследованию моря, Программа ООН по окружающей среде и др. Кроме того, статус наблюдателя в Арктическом Совете получили 12 неправительственных

организаций, включая Международный арктический научный комитет, Университет Арктики, Арктический институт Северной Америки, Всемирный фонд дикой природы.

Декларации Арктического совета, принимаемые консенсусом его членов и являющиеся актами «мягкого права», внесли огромный вклад в защиту окружающей среды Арктики (например, Нуукская декларация 1993 г., Икалуитская декларация 1998 г., Декларация Тромсе 2009 г., Рейкьявическая декларация 2021 г.). Они закрепили подходы Арктического совета, направленные на сохранение мира, стабильности, укрепление сотрудничества в Арктике, обеспечение устойчивого развития, принятие мер по борьбе с загрязнением, сохранению биологического разнообразия, защите прав коренных народов, устойчивого использования природных ресурсов, борьбе с глобальным изменением климата. Данные акты стали основой реализации многих соответствующих арктических программ и проектов.

Некоторые из рекомендательных актов, принятых в рамках Арктического совета, непосредственно посвящены нефтегазовой деятельности. Руководство по транспортировке переработанной нефти и нефтепродуктов в Арктических водах (*Guidelines for Transfer of Refined Oil and Oil Products in Arctic Waters*) 2004 г. разработано с целью предотвращения разливов транспортируемой нефти и нефтепродуктов при перевалке с судна на судно или с судов на береговые объекты и наоборот. Эта деятельность в Арктике должна осуществляться с особой осторожностью и требует большой осмотрительности. Руководство содержит рекомендации, касающиеся планирования и осуществления транспортировки нефти и нефтепродуктов в Арктике. К общим принципам, закрепленным в Руководстве, отнесены ответственность виновников загрязнения за возмещение ущерба и выполнение финансовых обязательств в связи с неспособностью удержать продукт транспортировки, а также недопустимость выбросов нефти и иных загрязняющих веществ. Примечателен также сформулированный принцип, касающийся безопасности: в первую очередь при транспортировке должны быть обеспечены защита жизни и безопасности человека, во вторую – отсутствие каких-либо выбросов и в третью – защита судна и оборудования.

Арктическое прибрежное нефтегазовое руководство (*Arctic Offshore Oil and Gas Guidelines*) 2009 г. предназначено для использования арктическими государствами в процессе планирования, разведки и разработки, добычи нефти и газа и вывода из эксплуатации нефтегазовых объектов. Данное руководство разработано с учетом обязательств арктических государств по конвенциям и рекомендациям, принятым в рамках Международной морской организации. Впервые в рамках Арктического совета руководство по этим вопросам было принято в 1997 г. и обновлено в 2002 г. Руководство 2009 г. выделяет четыре главных принципа, на которых должна основываться арктическая прибрежная нефтегазовая деятельность: принцип предосторожности, принцип «загрязнитель платит», принцип непрерывного совершенствования (касается улучшения здоровья, окружающей среды и безопасности), принцип

устойчивого развития (включает обязанность поддерживать уровень добычи углеводородов в соответствии с эффективными природоохранными мерами с целью минимизации негативного воздействия на окружающую среду). В Руководстве учтены существующее влияние и потенциальное влияние нефтегазовой деятельности на окружающую среду и общество; закреплены меры, которые следует предпринимать арктическим государствам и операторам, подходы, которых следует придерживаться при планировании и осуществлении морской нефтегазовой деятельности в Арктике. Они касаются сохранения живых ресурсов, защиты прав коренных народов, технических требований, экологического мониторинга, безопасности, систем управления, аварий.

Такие акты разрабатываются с учетом наилучших существующих практик и содержат правила, адресованные государствам, операторам и лицам, ответственным за принятие решений. В свою очередь, они влияют на развитие национального законодательства, стандартов и практики арктических государств.

С 2011 г. начался новый этап в развитии правового регулирования Арктики – договорный период, в ходе которого арктическим государствам удалось принять многосторонние международные договоры по отдельным вопросам сотрудничества: Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике 2011 г., Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике 2013 г., Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества 2017 г. Россия участвует в данных соглашениях, они вступили в силу.

Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике 2013 г. «применяется в отношении инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью, которые происходят в любом морском районе или могут представлять угрозу для любого морского района, в отношении которого государство, правительство которого является Стороной настоящего Соглашения, осуществляет в соответствии с международным правом суверенитет, суверенные права или юрисдикцию» (ст. 3). В Соглашении уточняются «южные границы», к северу от которых оно будет применяться (они по-разному определены в отношении каждого арктического государства). Согласно Соглашению каждая Сторона приняла обязательство поддерживать национальную систему быстрого и эффективного реагирования на инциденты, вызывающие загрязнение нефтью (далее – национальная система). Эта система должна учитывать «специфику деятельности и местности с точки зрения наибольшей вероятности возникновения инцидента, вызывающего загрязнение нефтью, или возможности подвергнуться его воздействию, прогнозируемые риски для районов, имеющих особое экологическое значение» (ст. 4). Минимальные требования к национальной системе, установленные Соглашением, – наличие национального плана или плана чрезвычайных мер по обеспечению готовности и реагированию на инциденты, вызывающие загрязнение нефтью, в которых должны быть урегулированы взаимоотношения различных государственных или частных организаций. Каждая

Сторона должна назначить компетентный национальный орган или органы, ответственные за обеспечение готовности и реагирование на загрязнение нефтью; национальный круглосуточный оперативный пункт или пункты связи, отвечающие за получение и передачу сообщений о загрязнении нефтью; и орган или органы, имеющие право от имени Стороны обращаться за помощью или принимать решение об оказании запрашиваемой помощи (ст. 5).

Таким образом, комплексный региональный международный договор в области нефтегазовой деятельности в Арктике не был принят арктическими государствами. Примечательно, что российскими учеными было сформулировано предложение об инициировании Россией разработки конвенции о регулировании освоения природных ресурсов Арктики (Арктическое право..., 2014). Это предложение заслуживает внимания, но его реализация на практике маловероятна в связи с тем, что оно касается как живых, так и неживых ресурсов при неразрешенности общих вопросов, касающихся режима пространств Арктики и сохраняющимися спорами о территориальных разграничениях. Насколько известно, ввиду сложности и многогранности этого вопроса в настоящее время арктические государства даже не заявляют о цели разработки такой конвенции. Они исходят из достаточности действующих международно-правовых норм и предпочитают принимать международно-правовые акты различной правовой природы по отдельным нефтегазовым вопросам, т.е. поступательно продвигаться в развитии правового регулирования по отдельным отраслевым вопросам.

Одна из политических угроз, с которыми сталкиваются арктические государства, – создание неарктическими государствами собственных площадок, форумов для обсуждения и принятия решений по арктическим вопросам (трехсторонний диалог на высоком уровне Китая, Республики Корея и Японии; Варшавский арктический форум, созданный по инициативе Польши).

Примечательно, что арктические государства и ряд заинтересованных неарктических сторон (Япония, Китай, Республика Корея и ЕС) подписали Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в Арктике 2018 г. По сути, тем самым было открыто новое договорное направление (заложен новый правовой вектор) – заключение международных договоров по отдельным вопросам сотрудничества в Арктике с участием арктических и неарктических государств. Представляется, что такой правовой шаг следует оценивать не только и не столько с точки зрения сохранения живых ресурсов Арктики. Скорее всего, он открыл новое окно возможностей для неарктических государств. Очевидно, что участие в заключении данного международного договора будет использоваться неарктическими государствами как важный правовой аргумент, подтверждающий их компетенцию участвовать в нормотворческой деятельности по арктическим вопросам наравне с арктическими государствами. Развитие данного многостороннего вектора – не в пользу арктических государств, заинтересованных в сохранении их особых прав в правовом регулировании арктических вопросов.

В дальнейшем арктические государства могут столкнуться с правовой угрозой – активными действиями неарктических государств по заключению международных договоров по арктическим вопросам, в том числе нефтегазовым, в рамках которых особая роль арктических государств в правовом регулировании арктических вопросов будет снижаться или не учитываться должным образом. Учитывая современные геополитические реалии, можно предположить, что скоординированные действия ряда арктических и неарктических государств будут направлены против интересов России в Арктике. Во главу угла в антироссийской международно-правовой политике будут поставлены общее значение Арктического региона, природоохранные озабоченности и суверенное право каждого государства на заключение международных договоров. Однако на подавляющий объем арктических пространств распространяются суверенитет, суверенные права и юрисдикция арктических государств. Этот факт является ключевым правовым аргументом и должен отстаиваться в процессе международного нормотворчества по арктическим вопросам.

Еще одной современной тенденцией является исследование и обсуждение природоресурсных и энергетических вопросов Рабочей группой по ответственной разработке природных ресурсов и Рабочей группой по энергетике, созданными в рамках Арктического экономического совета, который был учрежден в 2014 г. по инициативе Арктического совета в качестве нового практико-ориентированного международного форума (Вылегжанин, Корчунов, Теватросян, 2020).

Значение двусторонних международных договоров Российской Федерации для нефтегазовой деятельности в Арктике

Двусторонние международные договоры арктических государств отражают общее состояние двусторонних отношений, степень дружественности, готовность предпринимать определенные шаги и идти на компромиссы для урегулирования вопросов, вызывающих обоюдный интерес государств.

В Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия о сотрудничестве в области охраны окружающей среды 1992 г. отражено желание Сторон рационально использовать природные ресурсы в соответствии с принципом устойчивого развития. Соглашение закрепило такие области сотрудничества, как защита и сохранение морской среды, охрана водных объектов, предотвращение экологических аварий, мониторинг состояния окружающей среды, оценка воздействия на окружающую среду и др.

Соглашение между Правительством СССР и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в исследовании Мирового океана 1990 г. закрепляет обязательство осуществлять и развивать сотрудничество в исследовании Мирового океана на основе равенства, взаимности и обоюдной выгоды. Одна из областей сотрудничества – геологические,

геофизические и геохимические исследования в Мировом океане. В Приложении I к Соглашению был закреплен перечень первоначальных проектов. Выполнение Соглашения возложено на Смешанную советско-американскую комиссию по сотрудничеству в исследовании Мирового океана. В 1994 г. были подписаны Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в области охраны окружающей среды и природных ресурсов от 23 июня 1994 г. и Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в предотвращении загрязнения окружающей среды в Арктике.

Ключевое значение для нефтегазовой деятельности в Арктике имеют двусторонние международные договоры арктических государств о границах и делимитации морских пространств. Такие договоры позволяют определить пространственные пределы действия суверенитета, суверенных прав и юрисдикции прибрежных государств. В свою очередь, наличие таких договоров вносит ясность в правовой режим того или иного месторождения (становится возможным квалифицировать его как находящееся под суверенитетом или юрисдикцией одного из государств или как трансграничное, определить правила эксплуатации последних). Возникает и правовая определенность в рамках деятельности, связанной с искусственными островами, установками и сооружениями, транспортировкой углеводородов, прокладкой трубопроводов по дну соответствующих морских пространств и их эксплуатацией.

Однако далеко не во всех таких договорах арктических государств есть специальные нормы, посвященные правилам нефтегазовой деятельности. Это связано и с временным фактором (такие нормы в целом больше характерны для международных договоров Российской Федерации современного периода), и с общим состоянием двусторонних отношений.

Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 г., содержащее отсылку к Русско-Американской конвенции 1867 г., устанавливает линию разграничения морских пространств между СССР и США. При этом в Соглашении не указаны конкретные виды морских пространств. Уникальность данного Соглашения в том, что оно не вступило в силу (не было ратифицировано Россией), но временно применяется более 30 лет. Соглашение не содержит специальных положений о совместной эксплуатации трансграничных месторождений и других нефтегазовых аспектах.

В Соглашении между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств в районе Варангер-фьорда 2007 г. и в Договоре между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане 2010 г. был закреплен усовершенствованный подход применительно к трансграничным месторождениям. Стороны договорились, если будет подтверждено, что морское месторождение находится

по обе стороны линий разграничения, заключить соглашение по вопросу эксплуатации такого трансграничного месторождения как единого целого (ст. 3 Соглашения 2007 г. и ст. 5 Договора 2010 г.).

Заключение Договора 2010 г. стало знаковым событием, завершившим многолетний процесс делимитации столь протяженного участка Арктики. В соответствии со ст. 5 Договора эксплуатация трансграничного месторождения углеводородов, которое простирается на континентальный шельф другой Стороны, может быть начата только в соответствии с положениями об эксплуатации трансграничного месторождения углеводородов как единого целого – Соглашением об объединении, которое должны заключить Стороны. Оно должно быть заключено по требованию одной из Сторон в соответствии с Приложением II «Трансграничные месторождения углеводородов», определяющим вопросы, которые обязательно должны включаться в Соглашение об объединении – географические координаты месторождения, его характеристики, сведения об общем объеме углеводородных запасов, право Сторон на копии соответствующих данных, обязательства Сторон в отношении юридических лиц, обладающих правами на разведку и разработку углеводородов, и др. Кроме того, Стороны должны требовать от соответствующих юридических лиц заключения Соглашения о совместной эксплуатации «для регулирования вопросов эксплуатации трансграничного месторождения углеводородов как единого целого в соответствии с Соглашением об объединении». Закреплена преимущественная сила Соглашения об объединении и Соглашения, заключенного юридическими лицами, в случае расхождений между ними. Другие элементы Соглашения об объединении касаются разрешения начала добычи, сроков прекращения добычи, взаимных консультаций о мерах по охране здоровья, технике безопасности и охране окружающей среды, инспектирования. Предусмотрено также создание Совместной комиссии для консультаций. Установлен специальный механизм урегулирования межгосударственных разногласий, включающий арбитраж *ad hoc* и назначение независимого эксперта. Такое детальное международно-правовое регулирование вопросов эксплуатации морских трансграничных месторождений до сих пор остается уникальным в российской и мировой практике. Из Договора 2010 г. следует, что Стороны «обречены на сотрудничество» в отношении морских трансграничных месторождений и что эта деятельность «поставлена под плотный межгосударственный контроль» (Колодкин, 2011).

На данный момент международные договоры России с Норвегией о совместной эксплуатации морских трансграничных месторождений не заключены. При этом в 2018 г. был заключен еще один довольно уникальный двусторонний международный договор – Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Норвегия о порядке сбора сейсмических данных вплоть до и вдоль линии разграничения на континентальном шельфе в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане (вступило в силу в 2019 г.). Цель Соглашения состоит в регулировании порядка сбора сейсмических данных для полноценного картирования потенциальных

месторождений нефти и газа на континентальном шельфе. Оно предусматривает право Сторон или коммерческих организаций, получивших лицензию (разрешение) одной из Сторон, использовать на взаимной основе сейсмическое оборудование на континентальном шельфе государства другой Стороны на расстоянии вплоть до 5 километров от линии разграничения, а также закрепляет правила, которые должны соблюдаться при использовании сейсмического оборудования.

Нефтегазовые аспекты в политике Европейского союза в Арктике

С 2008 г. Европейский союз предпринимает активные шаги, направленные на формирование и совершенствование политики ЕС в отношении Арктики, становление ЕС как арктического геополитического игрока и укрепление роли ЕС в международном сотрудничестве по вопросам Арктики (Данилов, 2017). Следует учитывать, что всего три из восьми арктических государств являются членами Европейского союза (Дания, Финляндия и Швеция), и из них только Дания за счет острова Гренландия – государство, прибрежное к Северному Ледовитому океану. Однако это не помешало ЕС использовать этот аргумент наряду с аргументами о глобальных вызовах безопасности, изменении климата для обоснования стратегической важности Арктического региона для ЕС и необходимости разработки и продвижения Арктической политики ЕС.

С 2009 г. ЕС добивается предоставления статуса наблюдателя в Арктическом совете. Решения Арктического совета принимаются его членами консенсусом. Незаинтересованность большинства членов Арктического совета в расширении числа и степени вовлеченности неарктических игроков в арктическую повестку, разногласия с отдельными государствами (с Канадой в связи с ограничением тюленьего промысла, с Россией на общем фоне ухудшения двусторонних отношений и введенных санкций) не позволили добиться реализации этой цели ЕС.

Безусловно, одной из главных целей ЕС является доступ к нефтегазовым ресурсам Арктики и арктическим судоходным путям. В первоначальных актах ЕС для него было важно представить политико-правовые аргументы и создать правовую основу, доказывающую компетенцию ЕС в Арктике в целом. ЕС сформулировал три основополагающие цели: сохранение Арктики в интересах коренных народов; содействие устойчивому использованию природных ресурсов; внесение вклада в эффективное международное регулирование и управление в Арктике на основе международных соглашений, механизмов и сетевого взаимодействия.

В 2016–2017 гг. были утверждены акты Европейской комиссии и Европейского парламента «Интегрированная политика Европейского союза в Арктике», подчеркивающие уже стратегический интерес ЕС играть ключевую роль в Арктическом регионе. В 2021 г. ЕС предпринял новый амбициозный шаг. Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике

безопасности и Европейская комиссия представили Совместное коммюнике «Усиление вовлеченности ЕС в обеспечение мирной, устойчивой и процветающей Арктики».

Во введении данного документа еще более четко и амбициозно сформулированы основные постулаты арктической политики ЕС. Они сводятся к следующему: «Европейский союз находится в Арктике». Как геополитический игрок ЕС имеет стратегические и ежедневные интересы как в Европейской Арктике, так и в более широком Арктическом регионе. «Изменение климата является самой большой угрозой, с которой сталкивается Арктика, оно достигло беспрецедентной кризисной точки». ЕС является глобальным лидером в мерах по борьбе с изменением климата и готов принять на себя глобальную ответственность в рамках нового климатического права, *"Fit for 55 package"* (предложений, объединяющих торговлю квотами, увеличение использования возобновляемой энергетики, большую энергоэффективность, внедрение видов транспорта с низким уровнем выбросов, согласование налоговой политики, меры по предотвращению утечки углерода, а также меры по сохранению и увеличению естественных поглотителей углерода). Эта политика должна основываться на законодательных инициативах в рамках предложений Европейской комиссии по сокращению выбросов в атмосферу (*European Green Deal*) и новом подходе ЕС по устойчивой голубой экономике.

ЕС подчеркивает, что *«Арктические государства несут первостепенную ответственность по решению задач и использованию возможностей в рамках своих территорий»*. Однако многие изменения, выходящие за пределы государственных и региональных границ, более эффективно реализовывать в рамках регионального или многостороннего сотрудничества. ЕС полагает, что его роль как законодателя для части Европейской Арктики должна приниматься во внимание. Кроме того, *«усиление интереса к арктическим ресурсам и транспортным путям может превратить регион в арену локальной и геополитической конкуренции и возможных разногласий»*.

Именно по этим причинам ЕС считает, что полная вовлеченность ЕС в арктические вопросы является геополитической необходимостью. Меры, которые ЕС намерен предпринимать, объединены в три блока: (1) содействие мирному и конструктивному диалогу и сотрудничеству в целях поддержания безопасности и стабильности в Арктике; (2) принятие серьезных климатических и природоохранных мер, обеспечивающих процветание Арктики, в том числе добиваясь сохранения в недрах нефти, угля и газа, включая Арктические регионы; (3) поддержание всестороннего и устойчивого развития Арктических регионов на благо их жителей и будущих поколений.

ЕС намерен снизить объем выбросов парниковых газов по меньшей мере на 55% к 2030 г., что должно принести пользу Арктике. ЕС также поддерживает глобальную цель по защите 30% земли и 30% океана к 2030 г. посредством установления морских охраняемых районов и других эффективных мер. ЕС заявил о поддержке цели, сформулированной Арктическим советом,

по сокращению выбросов черного углерода в Арктике на 33% к 2025 году, а также о своем стремлении к нулевым выбросам и нулевому загрязнению с судов в Арктике.

Одним из ключевых энергетических аспектов представленной концепции являются положения, в которых ЕС подчеркивает, что является импортером нефти и газа, добываемых в Арктике, обязуется выполнять обязательства по достижению целей Парижского соглашения посредством реализации *"European Green Deal"*. Основываясь на частичном моратории на добычу углеводородов (в отдельных районах США, Канады, а также в Гренландии), ЕС принимает обязательство по обеспечению сохранения нефти, угля и газа в недрах, включая Арктические регионы. В качестве важного соображения ЕС приводит особые трудности, связанные с погодными условиями, возникающие при реагировании и устранении последствий промышленных и морских аварий. В этих целях Европейская комиссия будет работать с партнерами для установления многостороннего юридического обязательства, не позволяющего дальнейшую добычу углеводородов в Арктике или прилегающих регионах, а также покупку таких углеводородов, если они были произведены.

За позитивными, по мнению ЕС, постулатами стоит явное желание ЕС, не обладающего правом регулировать нефтегазовую деятельность в Арктике, принимать односторонние и коллективные меры в отношении России. Как и многие другие акты ЕС, данный документ также содержит много расплывчатых формулировок, что сделано явно умышленно.

Для России крайне важно сформировать юридические возражения против представленной арктической концепции ЕС и широко распространить свои контраргументы. Тем более, что уважение верховенства права является основой заявленных приоритетов России, председательствующей в Арктическом совете в 2021–2023 гг. Представляется возможным сформулировать следующие контраргументы.

Во-первых, следует подвергнуть критике юрисдикционный аспект. ЕС как субъект международного права не обладает юрисдикцией и компетенцией ни в Европейской Арктике, ни в арктическом регионе, ни в арктических регионах (именно такие термины использованы, но не раскрыты в документе). И уж тем более компетенция ЕС не распространяется на прилегающие регионы государств – не членов ЕС, т.е. территории, на которые распространяется их суверенитет, суверенные права и юрисдикция. В формулировках документа очевидна явная подмена понятий. Нахождение ЕС в целом и лишь территорий, на которые распространяются суверенитет, суверенные права и юрисдикция трех государств-членов ЕС в Арктике, а также нахождение и наличие интересов – логически и юридически совершенно разные понятия. При применении такой концепции, предложенной ЕС, но в пользу России, должно считаться, что ЕАЭС уж тем более находится в Арктике, поскольку у России наиболее протяженное арктическое побережье.

Во-вторых, в концепции несколько раз упоминается Арктический совет, а в качестве основного постулата сформулирована первостепенная ответственность арктических государств по решению задач и использованию возможностей в рамках своих территорий. Однако в концепции не говорится о ключевой роли арктических государств и Арктического совета в правовом регулировании сформулированных проблем.

Соответственно принятие ЕС в одностороннем порядке роли законодателя по вопросам, выходящим за рамки компетенции ЕС, и в отношении территорий, на которые не распространяется юрисдикция ЕС, неправомерно. Может сложиться ситуация, при которой решения ЕС не будут соответствовать решениям Арктического совета. И уже сейчас очевидно, что одними из таких вопросов являются позиция ЕС по сохранению нефти, угля и газа в недрах Арктики и заявленная цель добиваться многостороннего юридического обязательства, не позволяющего дальнейшую добычу углеводородов в Арктике или прилегающих регионах.

В актах Арктического совета такой запрет не установлен. Наоборот, в действующем Руководстве по разработке нефти и газа в Арктике, которое само по себе свидетельствует о правомерности такой деятельности, сформулирована обязанность поддерживать уровень добычи углеводородов в соответствии с эффективными природоохранными мерами таким образом, чтобы минимизировать негативное воздействие на окружающую среду. Следовательно, в этом вопросе концепция ЕС явно противоречит концепции Арктического совета.

В-третьих, в сформулированной концепции во главе угла стоит необходимость защиты окружающей среды Арктики в связи с изменением климата, т.е. природоохранные принципы, делается отсылка к Парижскому соглашению. Однако вообще не упоминается важнейший общий международно-правовой принцип – суверенитет и суверенные права государств (наций и народов) над своими природными ресурсами.

Данный принцип закреплён в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН (Резолюция ГА ООН 626 (VII) от 21 декабря 1952 г. «Право свободной эксплуатации естественных богатств и ресурсов», Резолюция ГА ООН 1803 (XVII) от 14 декабря 1962 г. «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами», Резолюция ГА ООН 3281 (XXIX) от 12 декабря 1974 г. «Хартия экономических прав и обязанностей государств»), действующих универсальных, региональных и двусторонних международных договорах, подтвержден в решениях международных судебных органов и правовой доктрине. Первостепенное значение права всех народов «свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами» в рамках толкования других прав закреплено в ст. 47 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и ст. 25 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.

В Арктике данный принцип общего международного права также действует, и его применение не должно ущемляться или быть менее значимым, чем международно-правовые природоохранные принципы. Другое дело, что реализация данного принципа в Арктике требует соблюдения высоких природоохранных стандартов и принятия особых природоохранных мер, что и подтверждено в международно-правовых актах и актах национального законодательства арктических государств. Подмена этой концепции предложенной концепцией ЕС недопустима. Расширительное толкование природоохранных обязательств, примененное в концепции ЕС, приводящее к запрету добычи арктических углеводородов и торговли ими, неправомерно.

В-четвертых, в концепции подчеркивается, что действия ЕС должны основываться на уважении Конвенции ООН по морскому праву. Однако сформулированные положения о запрете добычи арктических углеводородов также противоречат положениям данной Конвенции. Статья 2 Конвенции подтверждает суверенитет прибрежного государства над территориальным морем, его дном и недрами. Статья 77 Конвенции закрепляет, что прибрежное государство осуществляет над континентальным шельфом суверенные права в целях его разведки и разработки его природных ресурсов, которые включают минеральные и другие неживые ресурсы морского дна и его недр. Не существует и запрета на добычу углеводородов в Районе (дне морей и океанов и его недр за пределами национальной юрисдикции). Согласно статье 137 Конвенции полезные ископаемые, добываемые в Районе, могут быть отчуждены в соответствии с Частью XI Конвенции и с нормами, правилами и процедурами Органа. Статья 193 Конвенции закрепляет суверенное право государств разрабатывать свои природные ресурсы в соответствии со своей политикой в области охраны окружающей среды и в соответствии с их обязанностью защищать и сохранять морскую среду. Эти положения Конвенции носят принципиальный характер. Постулат представленной концепции, согласно которому политика ЕС основана на принципах, закрепленных в Конвенции 1982 г., не соответствует действительности.

Соответственно важно не допустить, чтобы ЕС добивался своих собственных целей в рамках новой мировой инфраструктуры энергетики, выходя за рамки своей компетенции и основываясь исключительно на собственном толковании природоохранных принципов в Арктике.

Заключение

Особенности правового регулирования нефтегазовой деятельности в Арктике напрямую связаны с особенностями правового режима отдельных пространств Арктики.

Международно-правовые нормы, регулирующие нефтегазовую деятельность в Арктике, не представляют собой единый системный кодифицированный комплекс норм и включают акты, различные по правовой природе, кругу лиц и предмету регулирования. Выявленные различные арктические правовые векторы будут развиваться.

Разработка специальной конвенции по нефтегазовым аспектам деятельности в Арктике с теоретической точки зрения позитивна, но на практике не представляется возможной в ближайшие годы. В мировой энергетической политике объявлен переход к «зеленой» энергетике, возлагаются большие надежды на водородную энергетику. В связи с этим более перспективными представляются предложения, которые могли бы быть выдвинуты в рамках Арктического совета, о разработке механизмов сотрудничества по вопросам развития возобновляемой энергетики, водородной энергетики в Арктике.

Среди международно-правовых тенденций регулирования нефтегазовой деятельности в Арктике, которые будут активно развиваться, следует выделить рост числа недоговорных актов (актов «мягкого права»), которые будут оказывать также влияние на национальное законодательство и практику арктических государств; усиление активности неарктических государств в процессе заключения многосторонних международных договоров по отдельным вопросам, в том числе связанным с разведкой и разработкой нефтегазовых ресурсов Арктики; усиление роли различных международных универсальных и региональных организаций в регулировании арктических вопросов.

Двусторонние международные договоры России с США и Норвегией, применимые к нефтегазовой деятельности в Арктике, кардинально отличаются. Вышеуказанные международные договоры России с США направлены на разграничение юрисдикции и создание общих рамок сотрудничества. Международные договоры России с Норвегией закрепляют детализированные механизмы совместной деятельности по разработке трансграничных месторождений и сбора сейсмических данных на морском дне. Они уникальны с точки зрения совмещения интересов, прав и обязанностей государств и их компаний, а также роли государственного регулирования нефтегазовой деятельности и государственного контроля.

Нефтегазовые аспекты новой концепции Европейского союза в Арктике требуют ответной правовой реакции со стороны России. В основе контраргументов должны лежать принципы суверенитета и суверенных прав в отношении природных ресурсов арктических государств, а также отсутствие соответствующей компетенции Европейского союза в регулировании нефтегазовой деятельности в Арктике в целом. Россия могла бы укрепить значение указанного принципа в рамках разработки проектов актов Арктического совета. Шаг Европейского союза и последующие шаги, направленные на запрет добычи нефти и газа в Арктике, могли бы быть использованы в целях дальнейшего непредоставления ЕС статуса наблюдателя в Арктическом совете по причине несоответствия требованию, предъявляемому к кандидатам, – признания суверенитета, суверенных прав и юрисдикции арктических государств в Арктике (пункт 6 Приложения 2 к Правилам процедуры Арктического совета).

Список литературы

1. Богуш Г.И. (2014) Дело судна «Арктик Санрайз» в Международном трибунале по морскому праву. *Международное правосудие* 1: 3–10.
2. Вылегжанин А.Н., Иванов Г.Г., Дудыкина И.П. (2015) Полярный кодекс (оценки и комментарии в зарубежных правовых источниках). *Московский журнал международного права* 4: 43–60. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-4-43-60.
3. Вылегжанин А.Н., Корчунов Н.В., Теватросян А.Р. (2020) Арктический экономический совет: роль в международно-правовом механизме природоохранного управления Северным Ледовитым океаном. *Московский журнал международного права* 3: 6–26. DOI: 10.24833/0869-0049-2020-3-6-26.
4. Данилов Д.А. (2017) Арктическая политика Европейского союза: основы и эволюция. *Обозреватель* 11: 16–32.
5. Жудро И.С. (2015) О модернизации международно-правовой концепции обоснования внешних границ континентального шельфа Российской Федерации в Арктике. *Международное публичное и частное право* 6: 10–14.
6. Жудро И.С. (2016) Эволюция международно-правового режима Северного Ледовитого океана и национальные интересы России. *Московский журнал международного права* 2: 63–80. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-2-63-80.
7. Иванов И.С. (ред.) (2013) *Предложения к дорожной карте развития международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике: рабочая тетрадь*. М.: Спецкнига. 56 с.
8. Киушкина В. и др. (2020) *Арктические стратегии: энергетика, безопасность, экология и климат*. Том 1. М.: Сколково. 283 с.
9. Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н., Боброва Ю.В. (2007) *Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы*. М.: Статут. 637 с.
10. Колодкин Р.А. (2011) Договор с Норвегией: разграничение для сотрудничества. *Международная жизнь* 1: 14–31.
11. Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. (ред.) (2005) *Международное право: учебник*. 2-е изд. М.: Международные отношения. 815 с.
12. Толстых В.Л. (2016) Решение по делу «Арктик Санрайз» от 14 августа 2015 г. и комментарий к нему. *Евразийский юридический журнал* 1: 101–105.
13. Хабриева Т.Я. (ред.) (2014) *Арктическое право: концепция развития*. М.: ИД «Юриспруденция». 152 с.
14. Шинкарукская Г.Г. (2017) Роль международных организаций в формировании и поддержании правопорядка в Северном Ледовитом океане. *Московский журнал международного права* 2: 118–127. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-106-2-118-127.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF OIL AND GAS ACTIVITIES IN THE ARCTIC

Dr Nikita Yu. MOLCHAKOV – Dean, Faculty of International Law, Associate Professor, Department of Constitutional Law, MGIMO University.
ORCID: 0000-0002-8445-1073. E-mail: n.molchakov@inno.mgimo.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Dr Olga V. GLIKMAN – Associate Professor, Department of International Law, MGIMO University.
ORCID: 0000-0002-9243-9787. E-mail: glikman@mail.ru
76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454.

Received October 11, 2022

Accepted December 7, 2022

Abstract: The purpose of the research is to identify and analyze international legal norms applicable to the exploration and exploitation of oil and gas resources in the Arctic, as well as trends of their development. The objectives of the research include the analysis of international legal norms that determine the status of the Arctic, legal features arising from differences in the status of some Arctic territories, differences in the approaches of Arctic and non-Arctic states, the European Union, as well as the identification of legal vectors of international legal regulation that are significant for oil and gas activities in the Arctic.

The article highlights the trends in the development of international legal regulation of general priority issues and sectoral aspects of activities in the Arctic. The authors revealed the meaning and features of multilateral and bilateral international treaties of the Russian Federation, advisory acts of the Arctic Council applicable to oil and gas activities in the Arctic.

The authors identified contradictions between the oil and gas aspects of the Arctic concept of the European Union of 2021 and jurisdictional and natural resource principles and rules provided for in international treaties and customs. The authors formulated proposals that can be used by Russia as international legal counterarguments proving the illegality of the EU's stated goal to prohibit oil and gas production in the Arctic.

Keywords: Arctic, Arctic states, oil and gas resources, international treaties of the Arctic states, international law, Arctic Council, Arctic policy of the European Union

References:

1. Bogush G.I. (2014) Delo sudna «Arktik Sanrayz» v Mezhdunarodnom tribunale po morskomu pravu [The Arctic Sunrise case at the International Tribunal for the Law of the Sea]. *Mezhdunarodnoye pravosudiye* [International Justice] 1: 3-10. (In Russian).
2. Danilov D.A. (2017) Arkticheskaya politika Yevropeyskogo soyuza: osnovy i evolyutsiya [Arctic policy of the European Union: foundations and evolution]. *Obozrevatel'* [Observer] 11: 16-32. (In Russian).
3. Ivanov I.S. (ed.) (2013) *Predlozheniya k dorozhnoy karte razvitiya mezhdunarodno-pravovykh osnov sotrudnichestva Rossii v Arktike: rabochaya tetrad'* [Proposals for a roadmap for the development of the international legal framework for Russian cooperation in the Arctic: workbook]. M.: Special book. 56 p. (In Russian).

4. Khabrieva T.Ya. (ed.) (2014) *Arkticheskoye pravo: kontseptsiya razvitiya* [Arctic law: a concept of development]. M.: Publishing House «Jurisprudence». 152 p. (In Russian).
5. Kiushkina V. et al. (2020) *Arkticheskiye strategii: energetika, bezopasnost', ekologiya i klimat* [Arctic strategies: energy, security, ecology and climate]. Volume 1. M.: Skolkovo. 283 p. (In Russian).
6. Kolodkin A.L., Gutsulyak V.N., Bobrova Yu.V. (2007) *Mirovoy okean. Mezhdunarodno-pravovoy rezhim. Osnovnyye problem* [The World Ocean. International legal regime. Main problems]. M.: Statute. 637 p. (In Russian).
7. Kolodkin R.A. (2011) Dogovor s Norvegiyey: razgranicheniye dlya sotrudnichestva [Treaty with Norway: a demarcation for cooperation]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs] 1: 14–31. (In Russian).
8. Kolosov Yu.M., Krivchikova E.S. (ed.) (2005) *Mezhdunarodnoye pravo: uchebnik* [International law: textbook]. 2nd ed. M.: International relations. 815 p. (In Russian).
9. Shinkarktskaya G.G. (2017) Rol' mezhdunarodnykh organizatsiy v formirovani i podderzhanii pravoporyadka v Severnom Ledovitom okeane [The role of international organizations in the formation and maintenance of law and order in the Arctic Ocean]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law] 2: 118–127. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-106-2-118-127. (In Russian).
10. Tolstykh V.L. (2016) Resheniye po delu «Arktik Sanrayz» ot 14 avgusta 2015 g. i kommentariy k nemu [Judgment in the Arctic Sunrise case of 14 August 2015 and commentary thereto]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal] 1: 101–105. (In Russian).
11. Vylegzhanin A.N., Ivanov G.G., Dudykina I.P. (2015) Polyarnyy kodeks (otsenki i kommentarii v zarubezhnykh pravovykh istochnikakh) [Polar Code (assessments and comments in foreign legal sources)]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law] 4: 43–60. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-4-43-60. (In Russian).
12. Vylegzhanin A.N., Korchunov N.V., Tevatrosyan A.R. (2020) Arkticheskiy ekonomicheskiy sovet: rol' v mezhdunarodno-pravovom mekhanizme prirodookhrannogo upravleniya Severnym Ledovitym okeanom [Arctic Economic Council: role in the international legal mechanism for environmental management of the Arctic Ocean]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law] 3: 6–26. DOI: 10.24833/0869-0049-2020-3-6-26. (In Russian).
13. Zhudro I.S. (2015) O modernizatsii mezhdunarodno-pravovoy kontseptsii obosnovaniya vneshnikh granits kontinental'nogo shel'fa Rossiyskoy Federatsii v Arktike [On the modernization of the international legal concept of justifying the external boundaries of the continental shelf of the Russian Federation in the Arctic]. *Mezhdunarodnoye publichnoye i chastnoye pravo* [International Public and Private Law] 6: 10–14. (In Russian).
14. Zhudro I.S. (2016) Evolyutsiya mezhdunarodno-pravovogo rezhima Severnogo Ledovitogo okeana i natsional'nyye interesy Rossii [The evolution of the international legal regime of the Arctic Ocean and the national interests of Russia]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law] 2: 63–80. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-2-63-80. (In Russian).